

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ*

Вряд ли кто-либо из писателей русского Серебряного века сможет сравниться с Вячеславом Ивановым по количеству посвященных ему книг, статей, архивных публикаций и репринтов, появившихся в последние пятнадцать лет. Начало этому информационному взрыву положил состоявшийся в Йельском университете в 1981 году первый международный симпозиум, посвященный наследию поэта. Здесь же было организовано общество «Convivium», которому принадлежала инициатива проведения второй (1983, Рим), третьей (1986, Павия), четвертой (1989, Гейдельберг), пятой (1992, Картины близ Женевы) и шестой (1995, Будапешт) ивановедческих конференций. К 125-летию со дня рождения Вяч. Иванова в 1991 году прошли научные заседания в Петербурге и Москве. Материалы симпозиумов публиковались обычно отдельными сборниками — за ними уследить было легче, чем за многочисленными журнальными и газетными статьями. Библиографическая база этой специфической и пережившей столь бурный рост отрасли литературоведения была ничтожной, что приводило порой к досадным пропускам, огрехам и неточностям. Дело обстояло особенно плохо с эмигрантскими публикациями и статьями зарубежных славистов, ибо единственный библиографический указатель, содержавший раздел о Вячеславе Иванове, был ориентирован на дореволюционный русский и послереволюционный советский потоки печатной продукции. Год публикации этого труда (1963), подготовленного под редакцией К. Д. Муратовой, и количество включенных в него позиций (52) говорят сами за себя. Неизбежно краткие указания в статьях энциклопедического характера были до недавнего времени единственными ориентирами для того, кто отправлялся в «ивановедческое плавание».

Через столетие после состоявшегося в середине 1890-х годов вхождения Вячеслава Иванова в литературу, его знакомства с Владимиром Соловьевым, высоко оценившим стихи поэта и способствовавшим их появлению в печати, как бы в ознаменование этих событий в свет вышла книга, значение которой для русской культуры трудно переоценить. Ей сужде-

но надолго стать надежным подспорьем для всякого, кто изучает художественное наследие Серебряного века; с интересом заглянут сюда историки театра, исследователи эмиграции, специалисты по русской философии.

Указатель, подготовленный Памелой Дэвидсон, возник в итоге многолетних научных изысканий и кропотливой собирательской деятельности. Он выпущен в серии библиографических справочников нью-йоркского издательства G. K. Hall & Co, что во многом определило форму подачи материала: главное внимание уделяется критической и научной литературе об избранном авторе, она подробно аннотируется. В силу того же обстоятельства Вяч. Иванов оказался в одном ряду с Джоффри Чосером, Сэмюэлем Кольриджем, Уильямом Фолкнером, Робертом Фростом, Трумэном Капоте, Эдвардом Олби и другими знаменитостями англоязычных литератур, чьи персональные библиографии здесь напечатаны ранее. До Вяч. Иванова подобной чести из русских писателей были удостоены Достоевский, Чехов, М. Горький и Пастернак.

В предисловии П. Дэвидсон поясняет структуру книги и подробно характеризует задачи, стоявшие перед ней. Они заключаются в том, чтобы зафиксировать наиболее существенное из того, что было напечатано о Вяч. Иванове в период с 1903-го по 1993 год. В указателе отражены публикации на русском (58 % от общего числа), английском (24 %), итальянском (7 %), немецком (4 %), французском (2 %), польском (2 %), а также на чешском, голландском, венгерском, литовском и сербском (в совокупности 3 %) языках. Особенное внимание уделялось фиксации отзывов писателей-современников о Вяч. Иванове. Две статьи, сведения о которых даются из вторых рук и которые составительнице не удалось сверить *de visu*, отмечены звездочками. Двустраничное выражение признательности (Acknowledgements) дает представление не только о круге спонсоров и предупредительных коллег П. Дэвидсон, но и о важнейших использованных справочниках и компьютерных базах данных, о посещенных по всему миру архивах и библиотеках.

Введение, помимо предназначенного для англоязычного читателя изложения общеизвестных фактов биографии, содержит общую характеристику четырех периодов, на которые делит П. Дэвидсон историю критического и ли-

* *Davidson P. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. New York: G. K. Hall & Co, 1996. XLII, 382 p.*

тературоведческого осмысления созданного Вяч. Ивановым: 1903—1924, 1925—1961, 1962—1985, 1986—1993 годы (последний, впрочем, по ее мнению, вряд ли можно считать завершенным). В заключение введения перечислены наиболее важные книги и сборники статей, появившиеся в 1994—1995 годах.

Список произведений Вяч. Иванова (около 150 названий), в силу его неполноты, — наиболее уязвимая часть рецензируемого справочника, хотя все необходимые оговорки исследовательницей сделаны (главную роль при ограничении объема сыграли издательские требования). Помимо указания основных сборников стихов, прозаических сочинений и их переводов на европейские языки здесь выборочно перечислены статьи поэта. С точки зрения литературной биографии Вяч. Иванова вряд ли можно согласиться с тем, что список открыт книгой лирики «Кормчие звезды» (1903; отдельные стихи из него были напечатаны сначала в журналах), но с точки зрения анализа общественного резонанса произведений поэта это, пожалуй, подход оправданный. Создание перечня всех прижизненных и важнейших посмертных публикаций поэта-символиста (в том числе в газетах, антологиях и т. д.) — задача иного плана, но она действительно требует своего решения, о чем пишет и сама исследовательница. Надеюсь, составление его не за горами.

Основная часть справочника (*Writings about Viacheslav Ivanov*) содержит около 1300 позиций. Суховатые, но оттого не менее информативные аннотации, данные по-английски, начинаются с указания, на каком языке написана реферируемая единица, затем следует анализ ее содержания или обзор вводимых в оборот архивных документов. Эти драгоценные подвески завершаются отсылками к другим работам; их игра, взаимные переклички придают книге шарм, оценить который способны лишь знатоки. Обращенность к англоязычному читателю сказывается в том, что в указателе есть информация для русских исследователей несомненно избыточная, речь идет в первую очередь о переводах на английский язык разного рода статей и мемуаров, к сведениям о первопубликациях которых (впрочем, как и о разного рода репринтах) педантически думает составитель. Но эту особенность, думаю, вряд ли можно причислить к недостаткам.

Еще в большей степени облегчают пользование книгой указатель имен и предметный указатель. В первом из них в согласии с ан-

глийской традицией означения русских имен второй инициал опущен. Возможно, стоило как-то иначе расшифровывать псевдонимы, хотя во взаимных отсылках к подлинным фамилиям и обратно недостатка нет, все же пояснение того, что в каждом конкретном случае первично и что вторично, было бы, на мой взгляд, уместным.

Библиографические указатели создаются годами кропотливого труда и альтернативы им обычно не бывает. Тем важнее, как в каждом конкретном случае выполнена поставленная задача. Даже если со временем выяснится пропуск отдельных публикаций (чего мне пока обнаружить не удалось), репутация рецензируемого труда как первой фундаментальной библиографии, посвященной одной из центральных фигур литературной жизни Серебряного века, вряд ли будет поколеблена. Собранные факты впервые дают представление и о своеобразии писательской судьбы Вяч. Иванова после 1917 года — многочисленность насков пролетарских критиков на его творчество лучше всего свидетельствует о полной несовместимости поэта-символиста с новой расстановкой литературных сил, о его запредельной чужеродности и неактуальности для воцарившейся эпохи. Из мира победившей и воплотившейся утопии, подобно Гомеру из государства Платона, Вяч. Иванов оказался исторгнут; лишь его переводам дозволено было появляться в Советской России 1930-х годов. Постепенно он также становится не очень желанным, но неизбежным персонажем литературоведческих штудий. В то же самое время Вяч. Иванов, казалось бы заживо погребенный у себя на родине, стремится включиться в европейский литературный процесс, пишет по-немецки и по-итальянски, печатается в журналах «Die Kreatur», «Corona», «Il Convegno», «Hochland». До последних своих дней не оставляет он ни художественных замыслов, ни научных изысканий.

Собранный в справочнике материал убеждает и в другом: желание осмыслить наследие Вяч. Иванова — одна из констант русской культуры XX столетия. Его реализация была обстоятельствами внешнего порядка задержана, но не отменена, поэтому информативный поток последних лет вряд ли можно считать случайностью. С другой стороны, количество опубликованного о Вяч. Иванове после 1993 года уже столь значительно, что хочется надеяться на продолжение подвижнических трудов П. Дэвидсон.